

Город из пара
Карлос Руис Сафон

Кладбище забытых книг #5

Карлос Руис Сафон (1964–2020) прожил всего 55 лет, однако успел стать самым знаменитым испанским писателем со времен Мигеля де Сервантеса и заслужить репутацию «Борхеса нашего времени». Произведения из его культового цикла «Кладбище забытых книг» были переведены на 50 языков, собрали целую коллекцию престижных литературных наград Испании, Франции, Великобритании и США и были изданы суммарным тиражом в 38 миллионов экземпляров.

Сафон был из тех писателей, что умеют создавать миры. После выхода в свет романа «Тень ветра», открывающего цикл «Кладбище забытых книг», критики заговорили о новом имени в литературе, а читатели просто с восторгом встречали каждую новую его книгу, заранее предвкушая интеллектуальное и эстетическое наслаждение.

Сборник рассказов «Город из пара» был задуман как знак признательности многочисленным фанатам цикла, жаждущим вновь погрузиться в полюбившуюся им атмосферу печальной романтики и старинных улочек Барселоны, и к счастью, Карлос Руис Сафон успел сделать читателям этот прощальный подарок.

Карлос Руис Сафон

Город из пара

Вскоре фигуры из пара, отец и сын, слились с толпой на Лас-Рамблас, и их шаги навсегда затерялись в тени ветра.

Тень ветра

CARLOS RUIZ ZAFON

La Ciudad de Vapor

© DragonStudios LLC, 2020

© Перевод. А. Миролюбова, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

От издателя

Завершив труд своей жизни «Кладбище забытых книг» публикацией в ноябре 2016 года последнего романа тетралогии «Лабиринт призраков», Карлос Руис Сафон планировал собрать в одну книгу рассказы. Речь шла о том, чтобы представить читателю как рассказы, опубликованные в различных форматах в периодической печати, либо в отдельных выпусках, сопровождающих специальные издания романов, так и те, что оставались неизданными.

С этой целью писатель предоставил нам рассказы, которые еще не печатались, и поручил собрать уже опубликованные в прошлом, чтобы подготовить издание, замысел которого шире, нежели простое собрание всех рассказов автора. Однако вначале из-за близившейся публикации тетралогии, а потом и из-за болезни автора мы предпочли отложить публикацию этой книги.

Карлос Руис Сафон задумывал этот сборник, сам по себе цельный и значимый, как дань признательности читателям, следившим за всеми перипетиями саги, начиная с первого романа «Тень ветра». Ныне, в связи с посмертным характером публикации, сборник становится также и данью памяти со стороны издательского дома одному из лучших писателей нашего времени.

«Город из пара» расширяет горизонты литературного мира, выстроенного в «Кладбище забытых книг». Получают развитие неизвестные стороны жизни и личности того или иного персонажа, или из глубины веков возникает история построения легендарной библиотеки, или тематика, мотивы, атмосфера этих рассказов оказываются знакомыми людям, которые прочитали сагу. Про?клятые писатели, архитекторы-визионеры, подмена лиц, фантазмагорические здания, проникновенная пластичность описаний, мастерски построенные диалоги... А главное, обещание, что история, рассказ, сам ход повествования приведут нас в новый, чарующий край.

От «Бланки и прощания», рассказа, открывающего сборник, до «Двухминутного апокалипсиса», помещенного в конце, истории переплетаются через голос повествователя, хронологию или детали, рисуя мир, который возникает на наших глазах,

полнокровный, хотя и вымышленный – вселенная из пара.

Что до литературных жанров, то и тут «Город из пара» демонстрирует мастерство, с которым Карлос Руис Сафон творит собственную, неподражаемую литературу. В ней можно найти элементы романа воспитания, исторического и готического романа, триллера, романтической прозы, не говоря уже об умелом использовании приема «рассказ в рассказе».

Но не станем больше занимать твое внимание, дорогой читатель. Излишне напоминать о значимости писателя, если его сравнивают с Сервантесом, Диккенсом, Борхесом... Добро пожаловать в мир новой и, к сожалению, последней книги Сафона.

Эмиль де Розьерс Кастеллайн

Бланка и прощание

(Из воспоминаний, никогда не сбывшихся, некоего Давида Мартина)

1

Я всегда завидовал тем, кто умеет забывать, для кого прошлое – чередование времен года или замена старых башмаков. Достаточно спрятать их в глубине шкафа, и им уже не вернуться обратно, по своим затерянным следам. Я, к несчастью, помню все прошлое, а оно помнит меня. Помню раннее детство, холодное и одинокое, застывшие мгновения созерцания серых дней и черное зеркало, заморозившее взгляд отца. Едва ли память сохранила какого-нибудь друга. Могут всплыть лица ребятишек из квартала Ла-Рибера, с которыми играл или дрался на улице, но никого из них я не хотел бы вызволить из страны безразличия. Только Бланку.

Бланка была старше меня на пару лет. Я познакомился с ней апрельским днем у порога своего дома. Ее вела за руку служанка, которая собиралась забрать книги из маленькой

букинистической лавки, расположенной напротив строившегося концертного зала. Судьбе было угодно, чтобы в тот день магазинчик открылся только в полдень, а девица явилась в половине двенадцатого; я и помыслить не мог, что эти полчаса ожидания определяют мою дальнейшую судьбу. Сам я никогда бы не осмелился заговорить с девочкой. Ее одежда, аромат, величавые жесты не оставляли никаких сомнений, что эта девочка из богатой семьи, затянутая в шелка и кружево, не принадлежит к моему миру и тем более я – к ее. Нас разделяла улица шириной в несколько метров и длинные лиги незримых законов. Я всего лишь восхищался ею, как разглядывают роскошные вещи, выставленные в витринах бутиков – их двери вроде бы открыты, но ты знаешь, что в жизни не переступишь этот порог. Я часто думаю, что, если бы отец так не пекся о моей чистоплотности, Бланка ни за что бы меня не заметила. Отец считал, что на войне насмотрелся грязи на девять жизней вперед, и, хотя мы были беднее библиотечных мышей, сизмальства приучил меня к холодной воде, которая текла, когда хотела, из крана над раковиной, и к кускам мыла, издававшего запах щелока и сдиравшего все, вплоть до угрызений совести. Так в свои восемь лет ваш покорный слуга Давид Мартин, чисто вымытый оборванец, в будущем возжелавший стать писателем третьего ряда, сумел со всем присутствием духа не отвести взгляда, когда эта куколка из хорошей семьи посмотрела на меня с робкой улыбкой. Отец всегда говорил, что в жизни людям нужно платить той же монетой. Он имел в виду оплеухи и прочие неприятности, но я решил последовать его совету и ответить улыбкой на улыбку, даже добавив в качестве бонуса легкий кивок. Это она медленно подошла ко мне, посмотрела на меня сверху вниз, протянула руку движением, мне совершенно незнакомым, и сказала:

– Меня зовут Бланка.

Бланка протягивала руку, как барышни в салонных комедиях, ладонью вниз, томно, будто юная парижанка. Я не сообразил, что следовало, склонив голову, коснуться ее губами, и Бланка убрала руку и вздернула бровь.

– Я – Давид.

– Ты всегда такой нелюбезный?

Я силился отыскать красивую фразу, чтобы загладить первое впечатление, искупить свою сущность неотесанного плебея искрометным блеском ума, но тут с угрюмым видом подошла служанка и посмотрела на меня, как на вырвавшегося на волю бешеного пса. То была молодая женщина с суровым лицом, ее черные, глубоко посаженные глаза не выражали симпатии. Она взяла Бланку за локоть и отвела от меня.

– С кем вы разговариваете, сеньорита Бланка? Знаете ведь, что ваш отец не любит, когда вы общаетесь с посторонними.

– Это не посторонний, Антония. Это мой друг Давид. Отец его знает.

Я остолбенел, а служанка взглянула на меня искоса.

– Давид, а дальше?

– Давид Мартин, сеньора. К вашим услугам.

– Антонии никто не служит, Давид. Это она служит нам. Правда, Антония?

На мгновение мелькнуло в ее чертах выражение, которого никто не заметил бы, кроме меня, поскольку я не спускал с нее глаз. Антония метнула на Бланку короткий, темный взгляд, отравленный ненавистью, оледенивший мне кровь, и тут же снисходительно улыбнулась и покачала головой, будто не придавала словам девочки никакого значения.

– Дети, – буркнула она себе под нос и вернулась к магазинчику, который уже открылся.

Тогда Бланка сделала жест, словно собирается присесть на ступеньку. Даже невежа вроде меня понимал, что такое платье не может соприкоснуться с низменной, припорошенной угольной пылью материей, из которой состоял мой домашний очаг. Я скинул покрытую заплатами куртку и разложил ее наподобие коврика. Бланка уселась на лучшую из моих одежек и вздохнула, глядя на улицу и на прохожих. Антония, стоя в дверях книжной лавки, не сводила с нас глаз, а я делал вид, будто этого не замечаю.

– Ты здесь живешь? – спросила Бланка.

Кивнув, я показал на соседнее строение.

– А ты?

Бланка посмотрела на меня так, будто этот вопрос был самым глупым, какой она слышала за всю свою короткую жизнь.

– Конечно, нет.

– Тебе не нравится квартал?

– Здесь плохо пахнет, темно, холодно, люди некрасивые и много шумят.

Мне бы в голову не пришло определить таким образом знакомый мне мир, но я не нашел убедительных аргументов, чтобы опровергнуть ее слова.

– Тогда почему ты тут?

– У моего отца дом недалеко от рынка Борн. Антония приводит меня туда почти каждый день.

– А сама ты где живешь?

– В районе Сарриа, с матерью.

Даже такой бедолага, как я, слышал о том квартале, но, разумеется, никогда там не бывал. Я представлял его как цитадель огромных домов, бульваров с липами, роскошных карет и тенистых садов, мир, населенный людьми, похожими на эту девочку, только повыше ростом. Без сомнения, ее мир был благоуханным, сверкающим, его овеивал свежий ветерок, а люди были красивые и вели себя тихо.

– Почему твой отец живет здесь, а не с вами?

Бланка пожала плечами, отвела взгляд. Похоже, ей было неловко говорить об этом, и я не настаивал.

– Это ненадолго, – произнесла она. – Скоро папа вернется домой.

– Конечно, – поддакнул я, даже не зная, о чем речь, но с таким сочувствием, на какое способен лишь тот, кто уже родился неудачником и всегда готов любого направить на путь смирения.

– Квартал Рибера не так и плох, увидишь сама. Ты быстро привыкнешь.

– Не стану я привыкать. Не нравится мне этот квартал и дом, который купил отец. У меня здесь нет друзей.

Я сглотнул слюну.

– Хочешь, я буду тебе другом?

– А кто ты такой?

– Давид Мартин.

– Это ты уже говорил.

– Кажется, у меня тоже нет друзей.

Бланка повернулась и посмотрела на меня со сдержанным любопытством.

– Я не люблю играть в прятки и в мяч, – предупредила она.

– Я тоже.

Бланка улыбнулась и снова протянула мне руку. На сей раз я постарался наилучшим образом запечатлеть поцелуй.

– Ты любишь сказки? – спросила она.

– Больше всего на свете.

– Я знаю такие, которые мало кому известны, – заявила Бланка. – Отец сочиняет их для меня.

– Я тоже. То есть сочиняю их и выучиваю.

Бланка нахмурилась.

– Ну-ка, расскажи.

– Прямо сейчас?

Бланка кивнула, даже с каким-то вызовом.

– Надеюсь, твои сказки не о принцессах, – с угрозой добавила она. – Я ненавижу принцесс.

– Ну, одна принцесса там есть... но очень злая.

Бланка просияла:

– Насколько злая?

2

Тем утром Бланка стала моей первой читательской аудиторией. Я рассказал ей сказку о принцессах и колдунах, о злых чарах и отравленных поцелуях, обо всем, что происходило в волшебной вселенной, полной оживающих дворцов, которые, словно адские чудища, ползут по болотам сумеречного мира. В конце рассказа, когда героиня погрузилась в

ледяные воды черного озера с проклятой розой в руках, Бланка навсегда определила курс моей жизни: разволновавшись, утратив слой лака, покрывавший ее, сеньориту из хорошего дома, она пролила слезу и прошептала, что моя история ей показалась прекрасной. Ради того, чтобы этот миг никогда не развеялся прахом, я отдал бы жизнь. Тень Антонио, упавшая к нашим ногам, вернула меня к прозаической действительности.

– Пора идти, сеньорита Бланка, ваш отец не любит, когда мы опаздываем к обеду.

Служанка забрала ее от меня и повела вниз по улице, но я следил за ней взглядом, пока силуэт Бланки не затерялся вдали, и увидел, как она помахала мне рукой. Я подобрал куртку и снова надел ее, чувствуя тепло Бланки и ее аромат. Улыбнулся и хотя бы на несколько секунд понял, что впервые в жизни счастлив, и теперь, попробовав на вкус эту отраву, никогда не вернусь к прежнему существованию.

Тем вечером, когда мы ели на ужин суп с хлебом, отец сурово оглядел меня.

– Вижу, ты изменился. Что-нибудь произошло?

– Нет, папа.

Я рано лег спать, убегая от мутного марева, окружавшего отца. В темноте думал о Бланке, об историях, которые хотел для нее сочинить, и вдруг сообразил, что не знаю, где она живет и когда увижу ее снова, если это вообще когда-нибудь случится.

Следующие два дня я искал Бланку. Как только отец засыпал или закрывал дверь к себе в спальню, предаваясь своему особенному забвению, я уходил в дальнюю часть квартала и блуждал по узким, темным переулкам, окружавшим бульвар Борн, в надежде встретить Бланку или ее зловещую прислугу. Я выучил наизусть каждый изгиб, каждую тень этих улиц, где стены, казалось, сливаются воедино, превращаясь в сплетение туннелей. Линии, вдоль которых в старину располагались средневековые цеха, образовывали сеть коридоров; они начинались около базилики Святой Марии на Море и сплетались в узел из проходов, арок и невозможных искривлений. Во все эти места солнечный свет проникал на несколько минут в день. Горгульи и барельефы виднелись в промежутках между старинными разрушенными дворцами и зданиями, которые надстраивались одно над другим, будто скалы на обрывистом берегу из окон и башен. Вечером в изнеможении я возвращался домой, как раз к тому времени, когда отец просыпался.

На шестой день, уже начиная думать, что встреча приснилась мне, я шел по улице Мираллерс, глядя на боковую дверь собора. Густой туман опустился на город, волочась по улицам, словно белая вуаль. Двери в церковь были открыты. Там в дверном проеме запечатлелись силуэты женщины и девочки в белых одеждах, а через мгновение туман скрыл их в своих объятиях. Я побежал, ворвался в базилику. Туман сквозняком затягивало внутрь, и фантастическое покрывало из пара плавало над рядами скамеек в центральном

нефе, цепляясь за пламя свечей. Я узнал Антонию, служанку – она стояла на коленях в одной из исповедален, в позе, выражающей раскаяние и мольбу. Я не сомневался, что исповедь такой гарпии тоном и густотой напоминает смолу. Бланка сидела на скамье, болтая ногами и отрешенно глядя на алтарь. Я подошел к скамье, и Бланка обернулась. Увидев меня, просияла и заулыбалась, и я тут же забыл бесконечные тоскливые дни, когда пытался отыскать ее. Я сел рядом.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Бланка.

– Пришел послушать мессу, – солгал я.

– В такое время мессу не служат! – рассмеялась она.

Мне больше не хотелось лгать, и я опустил голову. Но слова оказались излишни.

– Я тоже по тебе скучала, – призналась Бланка. – Решила, ты обо мне забыл.

Я покачал головой. Атмосфера, пропитанная туманом и шепотом, придала мне храбрости, и я отважился произнести одно из признаний, придуманных мной для сказок, полных магии и героизма.

– Я никогда не смогу забыть о тебе, – сказал я.

Такие слова могли бы быть пустыми и нелепыми, особенно в устах мальчонки восьми лет, который, поди, и сам не знает, что говорит, но я это чувствовал. Бланка устремила на меня взгляд, поразительно грустный для девочки, и с силой сжала мне ладонь.

– Обещай, что никогда обо мне не забудешь.

Служанка Антония, вероятно, уже освободившаяся от грехов, с ненавистью взирала на нас, стоя в проходе, там, где начинался ряд скамей.

– Сеньорита Бланка!

Бланка не сводила с меня глаз.

– Обещай мне.

– Обещаю.

В очередной раз служанка увела мою единственную подругу. Я видел, как они удаляются по центральному проходу и исчезают за дверью, выходящей на бульвар Борн. Но на сей раз капелька хитрости просочилась в мою печаль. «Определенно, – сказал я себе, – у

служанки хрупкая совесть, и она прилежно является в исповедальню очиститься от грехов». Церковные колокола пробили четыре часа дня, и у меня зародился план.

Начиная с того дня я неизменно без четверти четыре появлялся в церкви Святой Марии на Море и садился на скамью поближе к исповедальням. Через пару дней я снова увидел их. Подождав, пока служанка преклонит колени перед исповедальней, я подошел к Бланке.

– Через два дня на третий, в четыре, – прошептала она.

Не теряя ни мгновения, я взял ее за руку, и мы стали бродить по базилике. Я подготовил для Бланки рассказ, действие которого происходило именно здесь, среди колонн и капелл храма, и завершалось поединком злого духа, выкованного из пепла и крови, с героическим рыцарем, явившимся из крипты, расположенной под алтарем. То был первый эпизод из серии приключений, ужасов и любовных признаний, которую я сочинил для Бланки, под названием «Призраки собора». В моем безмерном тщеславии начинающего автора она казалась мне самой что ни на есть первосортной. Первый эпизод я закончил как раз к тому времени, когда пора было вернуться к исповедальне, откуда вышла служанка. На сей раз она меня не увидела, поскольку я спрятался за колонну. Пару недель мы с Бланкой встречались там через каждые два дня. Делились своими детскими историями и мечтами, пока служанка изводила священника неиссякаемым рассказом о собственных грехах.

В конце второй недели исповедник с внешностью бывшего боксера приметил меня и обо всем догадался. Я хотел улизнуть, но он поманил меня к исповедальне. Его атлетический вид меня убедил, и я послушался. Подошел к исповедальне и встал на колени, содрогаясь перед очевидностью, что мой любовный пыл разоблачен.

– Радуйся, Пречистая Дева, – пробормотал я сквозь решетку.

– Я похож на монашку, малявка?

– Простите, отец. Просто не знаю, что обычно говорят.

– Тебя не научили в школе?

– Учитель – атеист, он считает, что вы, священники, орудия капитала.

– А он сам – чье орудие?

– Он не сказал. Думаю, себя он считает свободным элементом.

Священник рассмеялся:

– Где ты научился таким словам? В школе?

– Читая.

– Читая что?

– Все, что могу.

– Читаешь Слово Божье?

– Разве Бог пишет?

– Будешь умничать, гореть тебе в аду.

Я сглотнул.

– Теперь я должен рассказать о своих грехах? – прошептал я в тоске.

– Ни к чему. Они все у тебя на лбу написаны. Во что ты впутался с той служанкой и девочкой, которые ходят сюда чуть ли не каждый день?

– Во что я впутался?

– Напоминаю, это – исповедальня, и, если солжешь священнику, Господь поразит тебя молнией, едва ты выйдешь из церкви, – пригрозил исповедник.

– Вы уверены?

– Я бы на твоём месте не стал рисковать. Давай, выкладывай.

– С чего мне начать?

– Опusti красоты слога и всякие словеса, просто скажи, что ты делаешь день за днем в моем приходе в четыре часа дня.

Коленопреклоненная поза, полутьма и запах воска, вероятно, побуждают к тому, чтобы облегчить совесть. Я исповедовался, пока не чихнул. Священник слушал, прочищая горло всякий раз, когда я замолкал. В конце моего признания, думая, что он отправит меня прямоком в ад, я вдруг услышал его хохот.

– Вы не наложите на меня покаяние?

– Как тебя зовут, парень?

– Давид Мартин, сеньор.

– Не сеньор, а отче. Сеньор – твой отец или Господь Бог, а я тебе не отец, я – отче, или отец Себастьян.

– Простите, отче Себастьян.

– Просто «отче», и дело с концом. А прощает Господь. Я только Его служитель. Стало быть, о чем мы? Пока я тебя отпускаю с предостережением и парой молитв к Богородице. И поскольку считаю, что Господь в своей бесконечной мудрости избрал столь необычный путь, дабы приблизить тебя к церкви, предлагаю тебе сделку. Ты приходишь за полчаса до того, как встречаться с твоей барышней, и помогаешь мне убратся в ризнице. Взамен я удерживаю здесь служанку по меньшей мере на полчаса, чтобы ты успел наговориться.

– Вы сделаете это для меня, отче?

– Ego te absolvo in nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti[1 - Отпускаю тебе грехи во имя Отца, и Сына, и Святого Духа (лат.). – Здесь и далее примеч. пер.]. А теперь ступай отсюда.

3

Отец Себастьян оказался человеком слова. Я приходил на полчаса раньше и помогал ему в ризнице, поскольку бедняга сильно прихрамывал и в одиночку управлялся с трудом. Хотя священнику и казалось, будто я впадаю в грех богохульства, впрочем, простительный, ему нравилось слушать мои истории, особенно о привидениях и колдунах. Я посчитал, что он так же одинок, как и я, и решил мне помочь после того, как я признался, что Бланка – моя единственная подруга. Я жил ради этих встреч.

Бланка всегда приходила бледная, с улыбкой на устах, в платье цвета слоновой кости. На ней всегда были новые туфельки и ожерелья из серебряных монет. Она слушала сказки, которые я для нее сочинял, и посвящала меня в свой мир, рассказывала о большом темном доме неподалеку, в котором поселился ее отец. Это место пугало ее и вызывало отвращение. Порой рассказывала и о матери, Алисии, с которой жила в старинном особняке в квартале Сарриа. Иногда, чуть не плача, говорила об отце, которого обожала, но он, по словам Бланки, был болен и уже почти не выходил из дома.

– Мой отец – писатель, – рассказывала она. – Как ты. Но он уже не сочиняет для меня сказки, как раньше. Сейчас пишет только истории для человека, который иногда приходит к нему в дом по ночам. Я его не видела, но однажды, когда осталась ночевать, слышала, как они беседовали допоздна, запершись в кабинете отца. Это недобрый человек. Я его боюсь.

Каждый вечер, распрощавшись с ней и возвращаясь домой, я грезил наяву о том, как в один прекрасный момент вырву Бланку из существования, полного разлук; избавлю от страшного ночного гостя, уведу от этой жизни в теплице, которая с каждым прошедшим днем все более тускнела. Каждый вечер Бланка просила, чтобы я ее не забывал, твердила, что, просто вспомнив о ней, могу ее спасти.

Одним ноябрьским днем, который воссиял синевой и инеем на оконных стеклах, я, как обычно, отправился на встречу с Бланкой, но она не пришла. Целых две недели я тщетно ждал в базилике, надеясь, что моя подруга появится. Я искал ее повсюду, а когда однажды ночью отец застиг меня в слезах, объяснил, что у меня разболелись зубы, хотя никакой зуб не мог бы причинить такую боль, как эта разлука. Отец Себастьян, который уже начал беспокоиться, видя, что я каждый день брожу по церкви, как неприкаянный, усадил меня рядом с собой и попытался утешить.

– Наверное, тебе лучше забыть о твоей подружке, Давид.

– Не могу. Я обещал ей, что никогда о ней не забуду.

Через месяц после того, как Бланка исчезла, я осознал, что начинаю забывать ее. Я перестал ходить в церковь через два дня на третий, сочинять для нее сказки, каждую ночь воздвигать в темноте ее образ перед тем, как заснуть. Начал забывать звук ее голоса, аромат, свет, исходящий от лица. Поняв, что теряю Бланку, я хотел пойти к отцу Себастьяну, молить его о прощении, просить, чтобы вырвал боль, пожиравшую меня изнутри, и повторял себе честно и откровенно, что нарушил свое обещание и не сумел запомнить свою единственную подругу.

В последний раз я увидел Бланку в начале декабря. Я смотрел с крыльца, как идет дождь, и вдруг заметил ее. Она шла одна, под дождем, белые лаковые туфельки и платье цвета слоновой кости были забрызганы водой из луж. Подбежав к ней, я увидел, что Бланка плачет. Я спросил, что случилось, и она обняла меня. Объяснила, что отец очень болен, а она сбежала из дома. Я сказал, чтобы она ничего не боялась, мы сбежим вместе, я, если нужно, украду деньги, мы купим два билета на поезд и навсегда исчезнем из города. Бланка улыбнулась и крепче прижалась ко мне. Так мы стояли, молча обнявшись, под лесами строившегося Орфеона, но вот большая черная карета проложила себе путь среди тумана и ненастья и остановилась рядом с нами. Темная фигура спустилась оттуда. То была служанка Антония. Она выхватила Бланку из моих объятий и потащила к карете. Бланка закричала, я попытался схватить ее за руку, но служанка обернулась и со всей

силы вlepилa мнe пoщeчинy. Я упaл нaвзничь нa бpусчaткy, oт удaрa в гoлoвe y мeня пoмyтилoсь. Кoгдa я пoднялся, кaрeтa ужe oтъeхaлa дaлeкo.

Я бeжaл зa кaрeтoй пoд дoждeм дo тoгo мeстa, гдe нaчинaли пpoклaдывaть улицy Лaйeтaнa. Нoвaя мaгистрaль пpeдстaвлялa сoбoй тянyвшyюся вдaль низинy, oбpaмлeннyю кaнaвaми, нaпoлнeнными вoдoй. Oнa рaссeкaлa джyнгли пepeулкoв квaртaлa Рибeрa, и ee стрoитeли испoльзoвaли вмeстo мaчeтe динaмит и экcкaвaтopы. Кaрeтa, oбъeзжaя pытвинy и лyжи, yдaлялaсь. Пытaясь нe yпycтить ee из видy, я взыбpaлся нa гpeбeнь из зeмли и бpусчaтки, кoтopый выcился зa кaнaвoй, пoлнoй дoждeвoй вoды. Вдpyг я пoчyвствoвaл, чтo пoчвa yхoдит y мeня из-пoд нoг, и зaскoльзил пo склoнy. Скaтившись кyвыркoм, oкaзaлся в пoлнoй вoды ямe, oбpaзoвaвшeйся внизy. Кocнyвшись нoгaми днa, вынырнyл из лyжи, дoхoдившeй мнe дo пoясa. И тoгдa oбнapyжил, чтo этa стoячaя вoдa вcя пoкpытa чepными пaкaми, кoтopые плaвaли пo ee пoвepхнoсти или пepeбeгaли c мeстa нa мeстo. Я зaкpичaл, зaмaхaл рyкaми, oхвaчeнный пaникoй, нaчaл кaрaбкaться ввepх пo глинистым скaтaм. Кoгдa выбpaлся из зaлитoй вoдoй кaнaвы, былo yжe пoзднo. Кaрeтa иcчeзaлa нa пoдстyпax к гopoдy, ee cилyэт рaствopялся в пeлeнe дoждя. Пpoмoкший дo кoстeй, я пoтaщился oбpaтнo к дoмy, гдe oтeц вce eщe спaл, зaпepшись в свoeй кoмнaтe. Я рaздeлся и зaлeз в пocтeль, дpoжa oт бeшeнствa и xoлoдa. Нa рyкaх y ceбя зaмeтил мaлeнькиe кpoвoтoчaщиe тoчки. Укyсы. Пaкyи в ямe нe тepяли дaрoм вpeмeни. Я чyвствoвaл, кaк яд вoсплaмeняeт мнe кpoвь, и нaкoнeц пoтepял coзнaниe, пoгpyзившись в тeмнyю бeзднy пoлyзaбытья.

Мнe снилoсь, бyдтo я в гpoзy, пoд дoждeм и вeтpoм мeчyсь пo пyстынным улицaм квaртaлa в пoискax Блaнкy. Чepные стpyи бьют пo фaсaдaм, в свepкaнии мoлний видны oтдaлeнныe cилyэтy. Бoльшaя чepнaя кaрeтa влaчитcя cpeди тyмaнa. Блaнкa внyтpи кoлoтит пo cтeклy кyлaкaми и кpичит. Я слeдyю зa ee кpикaми дo yзкoй, мpaчнoй yлoчки и вижy, кaк кaрeтa oстaнaвливaeтcя пepeд бoльшим тeмным дoмoм, из кoтopoгo выpacтaeт бaшнa, вoнзaющaяся в нeбeсa. Блaнкa выхoдит из кaрeтy и cмoтpит нa мeня, тянeт рyкy в мoльбe. Я хoчy пoдбeжaть к нeй, нo мoгy cдвинyтьcя тoлькo нa пapy мeтpoв. И тoгдa oгpoмный тeмный cилyэт вoзникaeт в двeрях дoмa, oгpoмный aнгeл c мpaмopным ликoм cмoтpит нa мeня и yлыбaeтcя вoлчьим oскaлoм, рaзвepнyв нaд Блaнкoй чepныe кpылa, зaключив ee в cвoи oбъятия. Я кpичaл, нo нepyшимaя тишинa пaлa нa гopoд. Нa oдин бeскoнeчный миг дoждь пoвис в вoздyхe, миллиoн xpyстaльных слeз, плaвaющих в пycтoтe, и я yвидeл, кaк aнгeл пoцeлoвaл Блaнкy в лoб, пoмeтив eгo, cлoвнo кaлeным жeлeзoм. Кoгдa пoтoки дoждя opoсили зeмлю, oбa иcчeзли нaвceгдa.

Бeзымяннaя

Барселона, 1905

Годы спустя мне сказали, что в последний раз видели ее в начале мрачного проспекта, ведущего к воротам Восточного кладбища. Вечерело, и студеный северный ветер взгромоздил над городом целый купол багровых облаков. Она шла одна, дрожа от холода, оставляя цепочку неровных шагов на пелене снега, который начал падать вечером. Дойдя до кладбища, девушка на мгновение остановилась, чтобы перевести дух. Лес ангелов и крестов виднелся за стенами. Зловоние мертвых цветов, извести и серы, словно влажным языком, коснулось ее лица, как бы приглашая войти. Она уже собиралась продолжить путь, когда острая боль пронзила ее нутро, будто каленым железом. Схватившись за живот, она стала глубоко дышать, преодолевая тошноту. Один бесконечный миг ею владела только эта мука, да еще страх – она боялась, что больше не сможет сделать ни шагу, рухнет без чувств перед воротами кладбища, и на заре ее найдут прижавшейся к решетке с наверхиями в виде наконечников копья, пропитанной желчью, покрытой инеем, с ребенком, которого она носила во чреве, безвозвратно заточенным в ледяном саркофаге.

Так легко было отрешиться, лечь на снег и закрыть глаза навсегда. Но она чувствовала дыхание жизни внутри, и оно не желало угасать, удерживало ее на ногах, и она знала, что не поддастся ни боли, ни холоду. Боль сплетала в лоне узлы, но девушка, ни на что не обращая внимания, ускорила шаг. Не остановилась, пока не оставила позади лабиринт гробниц и замшелых статуй. Только потом подняла голову и почувствовала, как затеплилась надежда, когда перед ней в вечерних сумерках возникли массивные чугунные ворота, ведущие к старой фабрике книг.

За ними Пуэбло-Нуэво простирался до горизонта из пепла и тени. Город фабрик темнел вдаль, будто в мутном зеркале отражая Барселону, привороженную сотнями труб, которые источали свое черное дыхание на небесный баgreц. По мере того как девушка углублялась в хитросплетение переулков, зажатых между кораблями и похожими на пещеры складами, глаза начинали различать высокие строения, пронзающие квартал, от фабрики Кан-Саладригас до водонапорной башни. Старая фабрика книг выделялась среди всех. Ее экстравагантный силуэт дыбился башенками и висячими мостами, будто какой-то дьявольский архитектор нашел способ посмеяться над законами перспективы. Купола, минареты и трубы гарцевали по сводам и перекрытиям, те поддерживались дюжинами аркбутанов и колонн. Скульптуры и рельефы змеились по стенам, иглы призрачного света исторгались из барабанов.

Девушка вгляделась в батарею гаргулий, которыми заканчивались карнизы; из пастей вылетали облачка пара, источавшие горький запах бумаги и типографской краски. Чувствуя, как боль снова вспыхивает внутри, заторопилась к главной двери и нажала кнопку звонка. Где-то за чугунной преградой раздался приглушенный звон колокольчика. Обернувшись, девушка заметила, что за несколько мгновений ее следы уже занесло снегом. Порывы ледяного, пронзительного ветра прижимали ее к чугунной двери. Она

снова с силой нажала кнопку звонка, еще и еще раз, но ответа не было. Неяркий свет, окружавший ее, казалось, исчезал временами, и около ног стремительно распространялись тени. Сознывая, что время ее на исходе, она отошла от двери, стала вглядываться в широкие окна главного фасада. За одним из закопченных стекол обрисовался какой-то силуэт, неподвижный, словно паук в центре паутины. Девушка не различала лица, лишь абрис женского тела, но поняла, что за ней наблюдают. Она замахала руками, закричала, умоляя помочь. Силуэт оставался неподвижным, пока свет, на фоне которого он выступал, вдруг не погас. Широкое окно потемнело, но девушка ощущала, что глаза, следившие за ней, оставались там, в полутьме, неподвижные, светящиеся в предзакатном свете. Впервые страх заставил ее забыть о холоде и боли. Она в третий раз нажала кнопку звонка, а когда поняла, что ответа по-прежнему не будет, закричала и забарабанила кулаками по двери. Девушка стучала, пока не сбила руки в кровь, молила о помощи, пока не охрипла. Ноги у нее подкосились. Опустившись в подмерзшую лужу, закрыла глаза, вслушиваясь в биение жизни, не прекращающееся внутри. Скоро ее лицо и тело начало заносить снегом.

Вечерняя мгла уже чернильной кляксой расплывалась по небу, когда дверь открылась, и веер света упал на распростертое тело. Двое с переносными газовыми фонарями встали перед ним на колени. Один из мужчин, полный, с оспинами на лице, откинул прядь волос со лба девушки. Та открыла глаза и улыбнулась ему. Мужчины обменялись взглядом, и второй, моложе и ниже ростом, приподнял руку девушки, на которой что-то блеснуло. Кольцо. Молодой хотел сорвать его, но товарищ не позволил.

Вдвоем стали поднимать ее. Старший, более сильный, взял девушку на руки, а другого послал за помощью. Молодой скрепя сердце послушался и исчез в вечерних сумерках. Девушка пристально глядела в лицо полному мужчине, который нес ее, и губами, непослушными от холода, шепотом повторяла одно невнятное слово. Спасибо, спасибо.

Мужчина, слегка прихрамывая, направился к зданию, похожему на гараж, расположенному около входа на фабрику. Оказавшись внутри, девушка услышала другие голоса, почувствовала, как несколько рук подхватили ее и водрузили на деревянный стол, стоявший у огня. Мало-помалу тепло очага растопило ледяные слезы, сверкавшие у нее в волосах и на лице. Две девушки, не старше ее, одетые как прислуга, завернули ее в одеяло и стали растирать ей руки и ноги. Руки, пахнущие специями, поднесли бокал горячего вина к губам. Теплая жидкость бальзамом растеклась по телу.

Лежа на столе, девушка огляделась вокруг и поняла, что находится в кухне. Одна из служанок подложила ей под шею какие-то полотенца, и девушка откинула голову. Распростертая, она могла видеть кухню в обратной перспективе; кастрюли, сковородки и прочие приспособления висели в воздухе вопреки законам тяготения. В таком ракурсе девушка увидела, как она вошла. Бледное, спокойное лицо дамы в белом двигалось от двери, будто она двигалась по потолку. Служанки расступились, а полный мужчина в страхе потупил взгляд и поспешно удалился. Девушка услышала, как стихают шаги и

голоса, и поняла, что осталась наедине с дамой в белом. Увидела, как та склонилась над ней, ощутила ее горячее, сладкое дыхание.

– Не бойся, – прошептала дама.

Серые глаза изучали ее в тишине, и мягкая рука прикоснулась к щеке. Девушка подумала, что дама выглядит и держит себя как разбившийся ангел, упавший с небес в паутину забвения. Попыталась найти приют в ее взгляде. Дама улыбнулась ей, с бесконечной нежностью погладила по лицу. Так прошло около получаса почти в полном молчании, пока во дворе не раздались голоса и не вернулись служанки, а с ними молодой мужчина и еще один господин в толстом пальто и с вместительным черным чемоданчиком. Врач встал рядом, проверил пульс. По глазам было ясно, что он нервничает. Пощупал живот, вздохнул. Девушка едва понимала, какие указания доктор дает прислуге, стоявшей вокруг очага. Но, собравшись с духом, обрела голос и спросила, родится ли здоровым ее сын. Доктор, который, судя по выражению его лица, уже махнул рукой на обоих, лишь обменялся взглядом с дамой в белом.

– Давид, – пробормотала девушка. – Его будут звать Давид.

Дама кивнула, поцеловав ее в лоб.

– Теперь ты должна собрать все силы, – прошептала она, крепко сжав девушке руку.

Годы спустя я узнал, что та девушка, всего семнадцати лет, лежала совершенно молча, без единого стога, с открытыми глазами, и слезы струились у нее по щекам, пока доктор разрезал ей живот ланцетом и извлекал на свет божий ребенка, который мог помнить ее только с чужих слов. Я множество раз спрашивал себя, сумею ли когда-нибудь вообразить, как дама в белом поворачивается к ней спиной, берет ребенка на руки и прижимает к груди, обтянутой белым шелком, в то время как девушка тянет руки, умоляет, чтобы ей дали посмотреть на сына. Часто спрашиваю себя, могла ли та девушка слышать, как затихает в отдалении плач ее сына на руках другой женщины, когда ее оставили одну в кухне, распростертую в луже собственной крови, а потом вернулись, чтобы обернуть саваном еще трепещущее тело. Спрашиваю себя, чувствовала ли она, как одна из служанок срывала кольцо с ее левой руки, до крови царапая палец, чтобы украсть дорогую вещь, а тело ее волокли, возвращая в ночь, и двое мужчин, те самые, что пришли ей на помощь, теперь водрузили его на телегу. Много раз я спрашивал себя, дышала ли она, когда лошади остановились и двое мужчин подняли саван и швырнули в поток, несущий отходы сотни фабрик к скоплению хибар и хижин из тростника и картона, покрывающего пляж Багателль.

Я хочу верить, что в последний момент, когда зловонные воды выплюнули ее в море, и саван, колеблемый волнами, развернулся, отдавая ее тело бездонной мгле, она знала, что ребенок, рожденный ею, будет жить и всегда помнить о ней.

Я никогда не знал ее имени.

Та девушка была моей матерью.

Сеньорита из Барселоны

Лайе было пять лет, когда отец в первый раз продал ее. Сделка была невинной и милосердной, не более лукавой, чем на то подвигали голод и непогашенные долги. Эдуардо Сентис, фотограф-портретист, не располагавший состоянием и не добившийся славы, унаследовал студию своего наставника, под началом которого работал более двадцати лет. Поступил он туда учеником, вернее, стажером без вознаграждения, потом перешел в ранг помощника и наконец, получив звание, если не жалованье, фотографа, стал соуправителем. Студия располагалась в просторном помещении на улице Консехо де Съенто и включала в себя четыре зала для съемок, две проявочные и склад, заполненный оборудованием, устаревшим и ветхим. Вместе с этим Эдуардо унаследовал многочисленные непогашенные счета, которые оставил после себя хозяин, лучше разбиравшийся в линзах и пластинах, чем в бухгалтерии. К моменту его кончины Эдуардо Сентис уже полгода работал без жалованья. Если прибегнуть к слогу душеприказчика, переход *post mortem*[2 - После смерти (лат.)] предприятия и жалкой собственности, к нему прилагавшейся, должен был, по идее, послужить справедливым воздаянием за преданную и самоотверженную службу. Но как только осветители и оформители набросились на счета заведения, Эдуардо Сентис понял, что не наследство оставил ему хозяин за годы молодости и за упорный труд, а настоящее проклятие. Ему пришлось уволить всех сотрудников и самому, в одиночку бороться за выживание студии и свое собственное. До сих пор деятельность студии была большей частью сосредоточена вокруг семейных событий разного рода – от свадеб и крестин до похорон и первого причастия. Ритуальные услуги и похороны были специальностью заведения, и Эдуардо Сентис привык ставить свет и снимать мертвецов, и это у него получалось лучше, чем с живыми. Покойники всегда попадали в фокус, поскольку не двигались, и им не нужно было задерживать дыхание.

Эта его репутация портретиста сумерек и доставила ему заказ, который первоначально казался простым и не предполагал особых осложнений. Маргарита Понс, малютка пяти лет, дочь богатой супружеской пары, владевшей особняком на проспекте Тибидабо и индустриального комплекса на берегах Тера, пала жертвой необычной лихорадки в первый день 1898 года. У ее матери, доньи Эулалии, начался нервный криз, который семейные врачи поспешили облегчить щедрыми дозами лауданума. Дон Федерико Понс, отец семейства, не располагал ни местом, ни временем для таких сентиментов, он

неоднократно видел смерть своих детей и не пролил при этом ни слезинки сожаления. У него уже имелся в наличии наследник, первенец, мальчик, обладавший отменным здоровьем и хорошими способностями. Потеря дочери, событие само по себе печальное, предполагала в длительной перспективе сохранение семейного имущества. Дон Федерико намеревался, соблюдая ритуал, быстро похоронить ее в семейном склепе на кладбище Монжуик, чтобы как можно скорее вернуться к повседневной рабочей рутине, но донья Эулалия, хрупкое создание, позволила зловещим теткам из спиритического общества «Лус» на улице Элизабетс заморочить себе голову и была не в состоянии столь решительно перевернуть страницу. Чтобы прекратить бесконечные вздохи, дон Федерико согласился, по желанию матери, заказать ряд портретов усопшей девочки перед тем, как служащие похоронного бюро навеки уложат тело в гроб из слоновой кости с инкрустациями из голубых стеклышек.

Эдуардо Сентиса, портретиста покойников, пригласили в особняк на проспекте Тибидабо, где проживала семья Понс. Здание скрывала тенистая роща, пройти в которую можно было через металлические решетчатые ворота, выходившие на угол проспекта и улицы Жозеп Гари. День выдался серый и неприветливый, осколок этой хмурой, туманной зимы, которая столько несчастья принесла бедняге Сентису. Поскольку ему не с кем было оставить дочку Лайю, пришлось захватить ее с собой. Держа девочку за руку, а в другой руке неся чемоданчик с линзами и гармоникой, Сентис сел в синий трамвай и явился к особняку Понсов, надеясь начать год с поступлений в звонкой монете. Слуга впустил его, провел через сад до самого дома и там оставил в маленькой приемной. Лайя, зачарованная, смотрела во все глаза, она ни разу не видела такого места, будто возникшего из волшебной сказки, правда, сказки о коварной мачехе и о зеркалах, отравленных скверными воспоминаниями. Хрустальные люстры свисали с потолка, вдоль стен стояли статуи, на стенах красовались картины, и толстые персидские ковры устилали пол. Созерцая это богатство, лежавшее мертвым грузом, Сентис почувствовал искушение поднять тариф. Дон Федерико вышел навстречу, глядя сквозь него и изъясняясь тоном, какой приберегал для лакеев и рабочих с фабрики. Сентису предоставлялся час, чтобы сделать серию портретов покойной девочки. Увидев Лайю, дон Федерико нахмурился. Среди мужчин его семьи было принято считать, будто женщины пригодны исключительно для постели, стола или кухни, а эта соплячка без роду, без племени ни для чего такого не подходила. Сентис стал оправдываться, ссылаясь на то, что срочность заказа помешала ему найти кого-то, кто посидел бы с ребенком. Дон Федерико обреченно вздохнул и сделал фотографу знак следовать за собой вверх по лестнице.

Тело умершей девочки разместили в одной из комнат второго этажа. Она лежала на широкой постели, усыпанной белыми лилиями, в скрещенных на груди руках сжимая распятие, с гирляндой цветов на лбу, в шелковом платье, невесомом, струившемся, словно пар. В дверях двое слуг молча стояли на страже. На лицо девочки падал из окна поток пепельного света. Кожа ее казалась гладкой и твердой, как мрамор, но такой прозрачной, что синие и черные вены виднелись под ней. Глаза глубоко запали, губы

окрасились пурпуром. Комната пропиталась тяжелым запахом мертвых цветов.

Сентис зна?ком велел Лайе оставаться в коридоре, а сам воздвиг треногу и камеру перед постелью. Решил, что использует шесть пластин. Две – для крупного плана, с длиннофокусным объективом. Две – для среднего плана, выше пояса; и две – для общего плана тела целиком. Все снимки с одного ракурса, поскольку Сентис подозревал, что изображение в профиль или в три четверти подчеркнет темные вены и капилляры, выступившие на коже девочки, и на фотографиях это будет смотреться еще более ужасно, насколько это возможно при сложившемся положении вещей. Если немного увеличить выдержку, это осветлит кожу и смягчит впечатление, придав телу более теплые тона и расплывчатые очертания, а фону и окружающей обстановке – достаточную глубину. Настраивая объектив, Сентис заметил какое-то движение в дальнем конце комнаты. Входя, он подумал, что там стоит еще одна статуя, но оказалось, что это женщина в черном, с лицом, покрытым вуалью. То была донья Эулалия, мать покойной девочки; она приглушенно рыдала и бродила по комнате, как неприкаянная душа. Донья Эулалия подошла к постели и погладила девочку по щеке.

– Мой ангел говорит со мной, – сказала она Сентису. – Разве вы не слышите?

Сентис кивнул и продолжил приготовления. Чем раньше он выйдет отсюда, тем лучше. Настроив все для того, чтобы сделать первые снимки, фотограф попросил мать на несколько мгновений выйти из кадра. Та поцеловала покойницу в лоб и встала позади камеры.

Сентис был так поглощен работой, что не заметил, как Лайя вошла в комнату и теперь находилась рядом с ним и смотрела, похолодев, на мертвую девочку, расprostертую на постели. Прежде чем он успел что-либо предпринять, сеньора Понс бросилась к Лайе и встала перед ней на колени.

– Здравствуй, солнышко. Это ты, мой ангел? – спросила она.

Хозяйка дома взяла дочь Сентиса на руки, прижала ее к груди. Сентис почувствовал, как кровь застыла у него в жилах. Мать покойницы пела Лайе колыбельную, баюкала ее на руках, называла ангелом, твердила, что они больше никогда не расстанутся. В этот момент явился дон Федерико, отобрал девочку у жены, стал выводить ее из комнаты. Донья Эулалия плакала, умоляла, чтобы ее не разлучали с ее ангелом, и тянула руки к Лайе. Едва они остались одни, фотограф сделал снимки так быстро, как только мог, и сложил оборудование. Когда он вышел, дон Федерико ждал его в приемной, чтобы вручить конверт с платой за услуги. Сентис заметил, что сумма в конверте вдвое больше условленной. Во взгляде дон Федерико страстная мольба смешивалась с презрением. Он предложил сделку: в обмен на щедрое вознаграждение фотограф должен на следующий день привести дочь в особняк семьи Понс и оставить ее там до вечера. Сентис изумленно воззрился на дочь, а потом на Понса. Промышленник удвоил сумму.

Сентис молча покачал головой.

– Подумайте, – сказал Понс на прощание.

Фотограф провел бессонную ночь. Лайя нашла отца плачущим в полутемной студии и взяла его за руку. Девочка попросила отвести ее в тот дом, она будет ангелом и поиграет с сеньорой. Ближе к полудню они явились к воротам особняка. Через слугу Сентису передали деньги и велели прийти к шести часам вечера. Он увидел, как Лайя исчезла в доме, и потащился вниз по проспекту, пока не нашел кафе в начале улицы Балмес, где ему налили рюмку бренди, и вторую, и третью, и столько, сколько нужно было, чтобы досидеть до часа, когда можно идти забирать дочь.

Лайя провела целый день, играя вместе с доньей Эулалией в куклы покойницы. Донья Эулалия одела ее в платье умершей, целовала, сажала на колени, рассказывала сказки, говорила о братьях, о тетушке, о котике, который у них жил, но потом убежал из дома. Они играли в прятки, поднялись на чердак. Бегали по саду, полдничали во дворе перед фонтаном, бросая крошки хлеба разноцветным рыбкам, плававшим в пруду. В сумерках донья Эулалия легла в постель, уложив Лайю рядом, и выпила свой стакан воды с лауданумом. Так, обнявшись в полутьме, они и спали, пока один из слуг не разбудил Лайю и не отвел ее к дверям, где ждал отец с красными от стыда глазами. Увидев дочь, он встал на колени и обнял ее. Слуга протянул ему конверт с деньгами и велел привести девочку на следующий день в тот же час.

Всю неделю Лайя каждый день ходила в особняк семьи Понс, чтобы превратиться в маленького ангела, играть в ее игрушки, носить ее одежду, откликаться на ее имя и исчезать в тени умершей девочки, заколдовавшей каждый уголок этого грустного и темного дома. На шестой день ее воспоминания стали теми же, что и у маленькой Маргариты, а собственное существование исчезло. Она превратилась в ту, кого желали, въяве предстала ею и научилась воплощать ее более убедительно, чем могла бы сама покойница. Прочитывать во взглядах мольбу, вслушиваться в содрогания сердец, изнывающих от потери, и находить жесты и прикосновения, утешавшие безутешных. Сама о том не подозревая, научилась превращаться в другого, быть ничем и никем, жить в чужой коже. Ни разу Лайя не попросила отца, чтобы тот перестал водить ее в это место, и никогда не рассказывала о том, что происходило в долгие часы, которые она проводила внутри. Фотограф, в упоении от денег и от облегчения, подавлял угрызения совести претензией на то, что они делают доброе дело, совершают акт христианского милосердия.

– Если не хочешь, можешь больше не ходить в тот дом, слышишь? – повторял он каждый вечер, возвращаясь от Понсов. – Но мы им оказываем добрую услугу.

Маленький ангел исчез на седьмой день. Говорили, что донья Эулалия проснулась на заре и, не обнаружив девочки рядом с собой, принялась лихорадочно искать ее по всему

дому, полагая, будто они все еще играют в прятки. Лауданум и темнота привели ее в сад, где ей показалось, будто она услышала голос и уловила взгляд маленького ангела с лицом, исполосованным синими венами, и губами, почерневшими от яда. Ангел звал ее из пруда, приглашал погрузиться в его воды, принять ледяные, безмолвные объятия тьмы, которая ее увлекала, нашептывая ей: «Мама, теперь мы будем вместе навсегда, как ты того и хотела».

Год за годом фотограф и его дочь объезжали города и селения всей страны со своим цирком обманов и усад. К семнадцати годам Лайя научилась воплощать жизни и лица, опираясь на несколько листов бумаги, старую фотографию, забытый рассказ или воспоминания, не желающие умирать. Иногда своим искусством воскрешала томление по первой любви, тайной и запретной, и ее трепещущая плоть просыпалась под ласками возлюбленных, чей век уже давно миновал, людей, которые могли купить все на свете, но не то, чего больше всего желали и что от них ускользнуло.

Негоцианты, богатые деньгами, но бедные жизнью, пробуждались, пусть на несколько минут, в постели с женщинами, которых Лайя выстраивала, исходя из тайной мольбы, страниц дневника или семейного портрета, и воспоминание о которых сопровождало этих мужчин остаток отпущенных им лет. Порой ее искусство, доведенное до совершенства, творило настоящие чудеса, и клиент упускал из виду, что речь шла об иллюзии, призванной на несколько мгновений отуманить его чувства и отравить их наслаждением. Клиент начинал верить, что Лайя – та, кого представляет, что предмет его желания обрел жизнь, и не хотел отпускать девушку. Он готов был пожертвовать состоянием или той жизнью, бесплодной и пустой, какую влачил до тех пор, и до конца дней жить иллюзией в объятиях девушки, способной воплотиться в самый желанный образ.

Когда это случалось, а случалось это все чаще, поскольку Лайя научилась читать в душах и в желаниях мужчин столь непогрешимо, что даже ее отец чувствовал порой – да, игра зашла слишком далеко, и тогда оба уезжали на заре, спасались бегством и неделями таились в другом городе, на иных улицах. Тогда Лайя проводила дни в апартаментах роскошного отеля, скрывалась, почти постоянно спала, погрузившись в летаргию безмолвия и печали, в то время как отец обходил городские казино и спускал состояние, заработанное буквально за несколько дней. И опять нарушались обещания оставить такую жизнь, и отец обнимал дочь и шептал на ухо, что нужно воспользоваться еще одним случаем, заполучить еще одного клиента, а потом можно будет удалиться в домик у озера, и Лайе уже никогда не придется воплощать в жизнь скрытые желания какого-нибудь денежного мешка, изнемогающего от одиночества. Лайя понимала, что отец лжет, лжет, даже не зная, что это делает, как все великие лжецы, которые вначале лгут самим себе, а потом уже не способны распознать правду, хотя бы она и пронзила их в самое сердце. Понимала, что он лжет, и прощала его, поскольку любила отца и в глубине души мечтала, чтобы игра продолжалась, чтобы вскоре подвернулся другой персонаж, кого она оживит и

которым заполнит, пусть на несколько дней или часов, огромную пустоту, разрастающуюся внутри и живьем пожирающую ее ночами, когда в первоклассных отелях, между шелковых простыней она дожидалась возвращения отца, пьяного и проигравшегося.

Раз в месяц Лайю навещал мужчина зрелых лет, довольно потасканный; отец называл его «доктор Сентис». Доктор, хрупкий человечек, живущий под броней очков, за которыми он надеялся спрятать полный отчаяния взгляд неудачника, знавал лучшие дни. В молодости, в годы процветания доктор Сентис имел весьма престижную консультацию на улице Аузиас-Марч, и ее посещали дамы и девицы в возрасте, достойном внимания или воспоминаний. Там, в зале с синим потолком, растянувшись в кресле и раскинув ноги, цвет барселонской буржуазии не имел секретов от доброго доктора и не испытывал перед ним стыда. Своими руками он извлек на свет божий сотни детишек из хороших семей и своими заботами, своими советами спасал жизни, а часто и репутации, воспитанных так, что добрая часть их тел, та, что больше всего пылает и бьется, представляет для них тайну, более непроницаемую, нежели Святая Троица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (https://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67237203&lfrom=362673004) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Отпускаю тебе грехи во имя Отца, и Сына, и Святого Духа (лат.). – Здесь и далее примеч. пер.

2

После смерти (лат.).